

УДК 82–6

М. Д. Кузьмина

<https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

**Деловое vs дружеское письмо под пером русских классицистов
(эпистолярный А. П. Сумарокова)**

Для цитирования: Кузьмина М. Д. Деловое vs дружеское письмо под пером русских классицистов (эпистолярный А. П. Сумарокова) // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 18–27.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-18-27

Статья посвящена изучению одной из вех в развитии жанра письма – эпистолярного наследия русских классицистов, в частности, А. П. Сумарокова, который был, как известно, в числе крупнейших представителей классицизма. Занимаясь не только литературной практикой, но и теорией, он сам вывел письмо за пределы литературы, описал его в трактате «О русском языке», литературные же жанры – в трактате «О стихотворстве». Это освобождало автора-эпистографа от соблюдения требований классицизма, давало неведомую прочим – собственно литературным – жанрам свободу. Вместе с тем не низводило письмо до бытового или делового текста, во-первых, за счет того, что осуществлялось непрерывное взаимовлияние жанров письма и стихотворного послания, эпистолы, а во-вторых, за счет того, что письма писателей априори имели эстетическую ценность. Таким образом, выведенное за пределы литературы, письмо было органически тесно связано с ней, включено в нее. Периферийное, на первый взгляд, положение эпистолярного жанра в эпоху классицизма на поверку оказывалось привилегированным и очень перспективным. Особые перспективы имела одна из разновидностей эпистолярного жанра – дружеское письмо, на протяжении XVIII в. оказывавшее влияние на другие разновидности. Не стало исключением и деловое письмо, в том числе деловое письмо классицистов. Так, деловые письма А. П. Сумарокова, адресованные как сановникам, так и императрице, испытали сильное влияние дружеского письма. Думается, он апеллировал к традициям последнего, осознанно или нет, желая преодолеть раскол своего «я», очень осязаемый в его деловой эпистографии. Образ автора в ней как бы двоится, во многом в соответствии с эстетикой классицизма. С одной стороны, Сумароков позиционирует себя как «общественного человека»: признанного, талантливого литератора, директора театра, гражданина, самоотверженно служащего родине. С другой – как «естественного человека»: беспомощного, одинокого, страдающего от нехватки денег, сил, времени, от незаслуженных обид, несправедливости, непонимания и т. п. По логике классицизма, «общественный человек» должен взять верх над «естественным», непатриотическая позиция, эгоизм, слабости и страсти которого постыдны. Пожалуй, только эпистолярный жанр давал автору возможность иной интенции – обретения цельности своего «я» не за счет подавления в себе «естественного человека» и усиления «общественного», а за счет «уравновешения» обеих ипостасей. Сумароков пытается реализовать эту интенцию через актуализацию черт дружеского письма, аутентичного для двух граней его «я»: если «общественный человек» своей деятельностью на литературном и гражданском поприще заслужил дружеское общение «на равных» с любым высокопоставленным адресатом, то «естественный человек» заслужил это общение своими личными качествами. Кроме того, от облеченного властью адресата зависит судьба автора: первый может решить проблемы второго, – поэтому именно в деловом письме Сумароков актуализирует черты дружеского письма. В результате под его пером создается своеобразный дружески-деловой гибрид, перспективный для дальнейшего развития эпистолярного жанра.

Ключевые слова: А. П. Сумароков; М. В. Ломоносов, классицизм, деловое письмо, дружеское письмо, эпистолярный жанр, эпистография.

М. D. Kuzmina

**Business vs friendly letter under the pen of russian classicists
(epistolary by A. P. Sumarokov)**

The article is devoted to the study of one of the milestones in the development of the genre of writing – the epistolary heritage of Russian classicists, in particular, A. P. Sumarokov, who was, as is known, among the largest representatives of classicism. Being engaged not only in literary practice, but also in theory, he himself brought writing outside of literature, described it in the treatise «On the Russian Language», while literary genres – in the treatise «On Poetry». This freed the author-epistolographer from complying with the requirements of classicism, gave freedom

unknown to others – literary genres proper. At the same time, it didn't reduce writing to an everyday or business text, firstly, due to the fact that there was a continuous mutual influence of the genres of writing and a poetic message, epistle, and secondly, due to the fact that the letters of writers a priori had aesthetic value. Thus, taken outside the bounds of literature, writing was organically closely related to it, included in it. At first glance, the peripheral position of the epistolary genre in the era of classicism turned out to be privileged and very promising. One of the varieties of the epistolary genre, the friendly letter, had particular prospects during the 18th century influenced other species. Business letter was no exception, including the business letter of the classicists. Thus, the business letters of A. P. Sumarokov, addressed to both dignitaries and the empress, were strongly influenced by a friendly letter. It seems that he appealed to the traditions of the latter, consciously or not, wishing to overcome the split of his «I», which is very tangible in his business epistolography. The image of the author seems to be twofold in it, in many respects in accordance with the aesthetics of classicism. On the one hand, Sumarokov positions himself as a «public person»: a recognized, talented writer, theater director, citizen, selflessly serving the motherland. On the other hand, as a «natural person»: helpless, lonely, suffering from a lack of money, energy, time, from undeserved grievances, injustice, misunderstanding, etc. According to the logic of classicism, a «social person» must prevail over the «natural», unpatriotic position, selfishness, weaknesses and passions of which are shameful. Perhaps, only the epistolary genre gave the author the possibility of a different intention – gaining the wholeness of his «I» not by suppressing the «natural person» in himself and strengthening the «social», but by «balancing» both hypostases. Sumarokov tries to realize this intention through the actualization of the features of a friendly letter that is authentic for two facets of his «I»: if a «public person» by his activities in the literary and civil field deserves friendly communication «on equal terms» with any high-ranking addressee, then a «natural person» deserves it is communication with your personal qualities. In addition, the fate of the author depends on the addressee vested with power: the first can solve the problems of the second, – therefore, it is in a business letter that Sumarokov actualizes the features of a friendly letter. As a result, a kind of friendly-business hybrid is created under his pen, promising for the further development of the epistolary genre.

Key words: A. P. Sumarokov, M. V. Lomonosov, classicism, business letter, friendly letter, epistolary genre, epistolography.

Общим местом литературоведения стало представление о том, что дружеское литературное письмо появилось в России во второй половине XVIII в. и что его расцвет тесно связан с расцветом сентиментализма [см., напр.: Лазарчук, 1971; Лазарчук, 1969; Лазарчук, 1976; Лаппо-Данилевский, 2013; Макогоненко, 1980]. Это, безусловно, так. Но формирование дружеского письма началось в русской литературе много раньше. Оно происходило уже в XVII столетии, о чем свидетельствуют многочисленные письмовники того времени (например, «Азбучный», или «Сказание начертанья епистолия, предисловия и посланья ко всякому человеку» [Азбучный письмовник, 2003; см. подр., напр.: Буланин, 1991; Демин, 2003]), и в первой трети XVIII в., о чем говорит единственный вышедший в Петровскую эпоху письмовник «Приклады, како пишутся комплименты разные...» [Приклады, како пишутся комплименты разные..., 1708] (он претерпел три переиздания с дополнениями – в 1708, 1712, 1725 г.); продолжилось во второй половине XVIII в., как можно видеть по вышедшему вслед за «Прикладами...» – в 1765 г. – письмовнику «Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам» [Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, 1765]. Оно охватило эпистографию XVIII в., сыграв роль лейтмотивного

явления. Не стало исключением деловое письмо, испытывавшее сильное влияние дружеского; не стал исключением эпистолярный, казалось бы, чуждых излияниям дружеским чувств классицистов.

Классицистов, как известно, отличало жанровое мышление, они отстаивали принцип чистоты жанра и за каждым из них закрепили свои требования. Стихотворное послание, эпистола, было отнесено ими к «средним» жанрам, дававшим авторам большую свободу, чем «высокие» и «низкие». Собственно же письмо, в прозе, интересующее нас, классицисты вывели за пределы литературы (принципиально, что А. П. Сумароков даже описал его в трактате «О русском языке», тогда как литературные жанры рассмотрел в трактате «О стихотворстве» [см.: Сумароков, 1748]), что давало его авторам наибольшую свободу, не обязывая в письме соблюдать требования классицизма. Складывалась непростая ситуация. С одной стороны, эта максимальная свобода, с другой – декларируемый письмовниками эпистолярный этикет, особенно строгий в случае делового письма, а в случае, если автор – литератор-классицист, – еще и ставшая для него привычной эстетика классицизма.

Так, по наблюдению П. Е. Бухаркина, в частных письмах крупнейших русских классицистов

М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова давали о себе знать во многом те же принципы воспроизведения действительности, что и в собственно литературных произведениях, – принципы классицизма (Ломоносов и Сумароков создают неизменные и «одномерные» образы адресатов: первый, например, образы Г. Н. Теплова и Г. В. Рихмана, второй – А. И. Бутурлина), вместе с тем – в частных письмах Ломоносова и Сумарокова появляется индивидуализация человеческого характера и индивидуальность речевой манеры, в результате чего рождается единый «многомерный» «образ автора, <...> включающий в себя „высокое” и „низкое”» [Бухаркин, 1986, с. 33] – то, что, по законам классицизма, должно быть принципиально разделено. «...Ломоносов (как и Сумароков), – в письмах, замечает П. Е. Бухаркин, – не отрывал „высокого” от „низкого”, передавал высокие чувства через быт, пропускал их сквозь призму повседневного существования» [Бухаркин, 1986, с. 33]. Это открытия, которые совершались в эпистолярной, но были еще недоступны литературе и оставались недоступными ей до тех пор, пока классицизм не перестал определять вектор ее развития.

Итак, письмо, на первый взгляд, вытесненное на периферию, на поверку оказалось в привилегированном положении. Оно не порвало связи с литературой, поскольку, во-первых, происходило взаимовлияние стихотворной эпистолы и прозаического письма, а во-вторых, письма писателей представляли эстетическую ценность. И оно давало авторам неведомые другим жанрам возможности, многократно возрастающие за счет актуализации черт дружеской эпистографии.

Это особенно репрезентативно можно проследить, обратившись к самой регламентированной сфере – деловой переписке классицистов. Очень показательны письма М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова. В эпистолярном наследии каждого из них представлено несколько десятков таких посланий.

Сумароков особенно активно прибегал к деловому письму. По подсчетам исследователей, из его 119 известных нам писем 77 адресованы сановникам и императрицам [см. подр.: Суровцева, 2019, с. 15]. С этой точки зрения безусловно справедливо суждение о нем Е. В. Суровцевой: «...литератора можно по праву считать мастером „письма к царю”, а не дружеского письма» [там же]. Но любопытно как раз то, что деловое письмо под пером Сумарокова представляет собой своеобразный гибрид с дружеским, испытывая на

себе его влияние, лейтмотивное, как мы указали, для эпистографии XVIII в.

Именно этим, думается, во многом и объяснимо своеобразие деловых писем Сумарокова, неоднократно отмечавшееся исследователями. Последние указывали на такие их черты, как неряшливость («Почти все писаны <...> почерком <...> небрежным и неопрятным, с сокращением слов, помарками и вставками между строк» [Грот, 1862, с. 3], так что «...производят впечатление черновика...» [Алексеева, 2014, с. 31]), вольность и неэтикетность оформления («...Сумароков переходит с русского языка на французский, не называет (в нарушение правил) имена (свое и Шувалова) в начале и в конце письма» [Алексеева, 2014, с. 31], начинает письма «...словами „Милостивый государь”, без имени и отчества, и подписывается иногда только начальными буквами своего имени, а иногда и вовсе не подписывается» [Грот, 1862, с. 3]), эмоциональность (все письма Сумарокова к И. И. Шувалову, обратил внимание Я. К. Грот, «...проникнуты тем же саркастическим тоном, раздражительным самолюбием и хвастовством, каким дышит все, что выходило из-под пера Сумарокова» [Грот, 1862, с. 3]), автобиографизм, свобода сюжетно-композиционного построения («...он соединяет воедино рассуждения о русском театре, его нуждах, необходимых реформах и бытовые горькие рассказы о реальном положении актеров <...>; сведения о своих семейных делах...» [Макогоненко, 1980, с. 32]) и т. п.

При всей справедливости этих наблюдений нужно иметь в виду, что письмовник «Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам...» (вышедший, как мы указывали, вторым – после «Прикладов...»), впервые более или менее строго регламентировавший эпистолярный этикет, «...внешний церемониал, так называемое „чинонаблюдение” в письме, игнорирование которого еще долгое время <...> расценивалось как признак невежества либо сознательный прием оскорбления» [Дмитриева, 1986, с. 545], увидел свет только в 1765 г. К тому времени Сумароков уже создал целый ряд деловых писем, и у него сложилась своя эпистолярная манера, которой он и впоследствии оставался верен. Но дело, конечно, не только в этом. Как мы уже отмечали, классицизм не регламентировал церемониал письма, давая автору свободу; Сумароков сам стоял на этом принципе в эпистоле «О русском языке». Пользуясь авторской свободой в эпистолярной, он позиционирует себя не столько рядовым русским гражданином, составляющим ученически «правильные» письма по письмовнику

ку, сколько высокообразованным и талантливым литератором-классицистом, который знает, что в эпистолярном жанре имеет право на многое, и убежден, что, даже если превысит свои полномочия, это окупится его литературным даром. Эпистолярный жанр дал ему возможность творческих экспериментов, невозможных в то время, пожалуй, ни в одном другом жанре. Г. П. Макогоненко прав, заключая о письмах Сумарокова: «Естественно, такие письма писались обдуманно» [Макогоненко, 1980, с. 32]. Исходя из этого и пытаясь определить их место в литературном процессе, ученый полагал, что они представляют собой «...образцы публицистической прозы нового типа», отличающейся эстетической свободой писателя» [Макогоненко, 1980, с. 32].

Точнее, на наш взгляд, говорить о процессе ее формирования во взаимодействии нелитературного (официального и бытового) и литературного (Сумароков – писатель, эстетическая составляющая его писем несомненна; О. В. Алексеева небезосновательно говорит об «эффекте художественности» его писем [Алексеева, 2014, с. 30]), делового и дружеского письма (исследователи справедливо отмечали, что Сумароковым движет чувство собственного достоинства; будучи «литературной знаменитостью» [Грот, 1862, с. 3] и директором театра, он считает себя вправе общаться и с императрицей, и тем более с сановниками на равных). В частности, свобода сюжетно-композиционного построения посланий Сумарокова рождает «мозаичность» содержания, как известно, очень характерную для дружеского письма.

Исходной предпосылкой для этого литературного гибрида и оцеляющим фактором в письмах Сумарокова стала – его личность. Он в эпистолярной стремится к единству своей личности и, соответственно, жизни. Он хочет быть собой, в каком бы амплу (писатель, директор театра, частный человек) ни выступал и к кому бы ни адресовался. В определенной степени это прорыв к сентиментализму, соотносимый с совершенным, хотя и иначе, в главном драматическом произведении Сумарокова – трагедии «Димитрий Самозванец» (1771).

Основу эпистолярия Сумарокова составляет, в сущности, авторефлексия. В этом смысле можно согласиться с Г. П. Макогоненко, заметившим: «Сумароков не вел дневника. Но оставшиеся письма за тридцать лет – с 1747 по 1777 г. – не менее красноречиво документируют его духовную жизнь» [Макогоненко, 1980, с. 29]. Сумароков в письмах, в том числе к императрицам и са-

новникам, прежде всего осмысляет самого себя. С одной стороны, эмпирически, в органичной для письма и дневника манере. А с другой – эстетически, на манер художественной литературы – создавая образ автора, который, каждый под своим углом зрения, рассматривали П. Е. Бухаркин и О. В. Алексеева [Бухаркин, 1986, с. 33, 39–40; Алексеева, 2014, с. 30]. Эмпирическая и эстетическая интенции в эпистолярии Сумарокова и дополняют, корректируют друг друга, и противоборствуют между собой. В их сложном взаимодействии рождается образ автора. Сумароков позиционирует себя как человека литературно одаренного и уважаемого, занимающего высокую должность (в 1756–1761 г. он был директором Русского для представления трагедий и комедий театра, основанного в Санкт-Петербурге в 1765 г.), деятельно служащего отечеству – и вместе с тем как человека, страдающего от нехватки времени, сил, денег, полномочий в устройстве вверенного ему театра, от несправедливости, незаслуженных обид и т. п.

Личность Сумарокова в эпистолярии очевидным образом двойится, и, что любопытно, в определенной степени в традициях классицизма, по-видимому, очень глубоко укорененного в его сознании. С одной стороны, обращенная вовне (здесь узнаваем так называемый «общественный человек» классицистов), – она успешна, блистательна. С другой же, внутри себя («естественный человек»), – беспомощна и глубоко несчастна. Но нетрудно заметить, что, осмысляя себя, Сумароков-эпистограф остается в традициях классицизма лишь отчасти, в целом же они его не удовлетворяют. В рамках этих традиций, как известно, «общественный человек», положительный герой, должен побороть в себе «естественного»: превозмочь свои человеческие слабости и, забыв о личном, посвятить всего себя самоотверженному служению отечеству, долгу. В эпистолярии Сумарокова отношения между «общественным» и «естественным человеком» иные – равноправные. «Естественный человек», со всеми своими слабостями, оценивается автором писем, вопреки классицистической традиции, отнюдь не отрицательно. Наоборот, позиционируется как заслуживающий внимания и сопереживания. Конечно, репрезентация Сумароковым этой грани своей личности аутентична скорее сентиментализму, как и исповедальность, за счет такой саморепрезентации явно актуализируемая в тексте письма, хотя и не обретающая в нем безусловной экспансии.

Как ни странно может показаться на первый взгляд, каждое деловое, и именно деловое, письмо Сумарокова – своеобразный крик души об обретении цельности собственного «я». «Естественный человек» страдает, в то время как «общественный» счастлив и успешен. Поэтому обретение цельности гармонично-счастливой личности мыслится Сумароковым через решение проблем «естественного человека», а оно состоит в полномочиях власть имущих – адресатов его деловых писем. Отсюда та особенность этих писем, которая не ускользнула, пожалуй, ни от одного их исследователя: они нацелены на получение чего-либо от адресата. Правда, несмотря на то, что в эпистолярной Сумарокова так ярко выражен ключевой критерий – цели, типологизировать его послания исходя из указанного критерия невозможно. Некорректно квалифицировать их, скажем, как просительные, потому что их регистр колеблется в диапазоне от просьбы до требования.

Это тоже связано с отсутствием цельности личности и следующей отсюда растерянностью автора писем. Адресуясь к императрице и влиятельным сановникам, он не знает, какая из двух граней его «я» – «общественный» или «естественный человек» – может и должна быть ведущей для наилучшего достижения цели. И актуализирует их попеременно, выступая то в роли униженного просителя, умоляющего о жизненно необходимом, то в роли признанного литератора и директора театра, с чувством собственного достоинства выдвигающего требования. Характерно наблюдение Я. К. Грота: «В своем лихорадочном волнении Сумароков не замечает, как у него самонадеянная похвальба сменяется унижением» [Грот, 1862, с. 13]. Причем если как директор Сумароков позиционирует себя партнером, сотрудником сановников и императрицы, поскольку наравне с ними служит России, занимая важную должность, и заслужил право на удовлетворение своих прошений, то как писатель, одаренный от Бога, – он ставит себя выше них. Г. П. Макогоненко весьма точно уловил эту тональность обращения писателя к государыне: «Сумароков обращается к Екатерине II по всяким волнующим его делам, считая себя вправе требовать от императрицы вмешательства как в его конфликты с родственниками, так и с московским главнокомандующим по делам театра. При этом он поучал, указывал, как она как государыня должна делать, чтобы торжествовала справедливость, <...> чтобы прекратились преследования его как поэта» [Макогоненко, 1980, с. 31].

Таким образом, в эпистолярной Сумарокова представлен довольно странный симбиоз просительно-исповедальной и требовательно-учительной тональностей, которые все время как бы перебивают друг друга. Так, например, в письме к Екатерине II изложив идею своего «проекта» [Сумароков, 1980, с. 95] заграничной командировки («...ехать и описать Италию, также для театров, увидеть и Париж...» [Сумароков, 1980, с. 95]) и просьбу отпустить его на два с лишним года, уволив с должности директора и снабдив необходимой для поездки суммой, Сумароков выдвигает целый ряд требований, устанавливая для государыни алгоритм действий и не оставляя ей практически никакой свободы выбора. «Ежели же по воле вашей, – пишет он, – оной суммы мне выдано быть не может, которая бы книгами возвратилась, я и это дело оставляю, а прошу только по крайней мере о том, чтоб я знал, что я: в службе ли и в какой? Или отставьте меня надлежащим порядком, как все добрые люди отставляются, с надлежащим при отставке чином, и, ежели будет воля в. в., с прибавкою еще к жалованному мне покойною государынею пансиону. А я служил тридцать два года беспорочно и всегда с успехом...» [Сумароков, 1980, с. 97]. Но тут же, очевидно, почувствовав, что зашел слишком далеко, он обрывает этот ряд высокомерно-жестких требований и по-детски беспомощно вопиет: «Помилуйте!» [Сумароков, 1980, с. 98]. Сменив требовательно-учительную тональность «общественного человека» на просительно-исповедальную тональность человека «естественного», автор письма в конце концов, казалось бы, останавливается на последней, вверяет себя, беспомощного, в руки государыни: «Я подвергаю щедроте, правосудию и в. в. милосердию» [Сумароков, 1980, с. 98]. Но это только формально. По сути же последняя фраза нацелена на достижение именно выдвинутых выше требований: «щедрота» Екатерины даст Сумарокову деньги на поездку и жизнь, «правосудие» не оставит его без достойного, заслуженного им места, наконец, «милосердие» не позволит Екатерине разгневаться и проигнорировать письмо. Но расчет писателя не оправдался, ему было отказано. И другие его письма, отличающиеся схожими особенностями, вызывали недоумение и гнев императрицы.

В целом ряде этих писем Сумароков цитирует свои художественные произведения, за счет чего, на первый взгляд, несколько смягчает, а в действительности многократно усиливает императивную тональность. Вводимые им стихотворные строки, во-первых, позиционируют его поэтом, а

значит, как мы уже указывали, ставят над адресатом. Во-вторых, эти строки всегда в большей или меньшей степени эксплицированно «вторят» авторитарным требованиям письма, «поддерживая» их. Наконец, в-третьих, переводят учительнотребовательную интенцию письма в регистр едва ли не учительнотребовательной, каковой она предстает, будучи вложена в уста поэта-«пророка».

Характерно в этой связи, что Сумароков вводит в эпистолярный текст цитату из своей «притчи». Тем самым актуализируется одна из исконных жанровых составляющих христианской проповеди, а одновременно и традиция древнерусского учительного послания, для которой притчево-проповедническая интенция органична. «...праздностью изобилующие в Москве люди, большинством голосов всклепанные на меня плутни утверждают», – жалуется он в письме к Екатерине II и далее настраивает ее на иное, нужное ему решение, вновь не оставляя ей свободы выбора, – «хотя истина не большинством голосов, но важностью решиться должна: во всей подсолнечной по большинству голосов почитается, что солнце ходит, а по важности голосов не солнце, а земля ходит».

Из уст в уста перелетает ложь,
За истину пойдет, коль всякий бредит то ж.

Из моих притчей» [Сумароков, 1980, с. 107–108].

В сущности, последняя – поэтическая – «притча» предваряется прозаической («...по большинству голосов почитается, что солнце ходит, а по важности голосов <...> земля ходит»). Обе подтверждают исходный эмпирический тезис автора письма («...в Москве люди, большинством голосов всклепанные на меня плутни утверждают...»), ступенчато усиливая и сакрализируя умозаключение поэта-эпистолога, твердо руководящего адресатом письма.

Схожих целей Сумароков достигает, цитируя свои драматические произведения. В частности, трагедию «Ярополк и Димиза»: «Ежели великие люди могут утеснять невинных авторов, приносящих отечеству своему честь и славу, какую приносят полководцы, так:

Велики имена, коль нас не утешают,
Великостью своей нас только устрашают.

Следовательно, должно от него бегать, а Музы до сего дня нигде еще страхом и принуждению подвержены не были» [Сумароков, 1980, с. 136].

Актуализируя в подобных письмах свои литературные сюжеты, Сумароков создает – в эпистолярном варианте – что-то вроде «учительных од» Г. Р. Державина, которыми тот пытался назидать Екатерину и других монархов.

Литературные автоцитаты в эпистолярной Сумарокова вводят интенцию не только учительного, но и дружеского письма. Напомним, одной из характерных черт дружеского литературного письма исследователи считают наличие стихотворных вставок. Причем К. Ю. Лаппо-Данилевский напрасно, на наш взгляд, настаивает, что следует принимать во внимание только стихотворные вставки, написанные автором специально для данного письма. Он отмечает: «Несколько раз Ломоносов приводит в письмах свои стихи, как некую внеположную данность, которую следует сообщить, а не писать их специально для письма, делая их неотъемлемой его частью. При всей „дружественности“ этот эпистолярный невозможно назвать „дружеским“, ибо всюду чувствуется дистанция, отделяющая поэта от его вельможного покровителя» [Лаппо-Данилевский, 2013, с. 131–132]. Исследователь смешал два тезиса. Очевидно, что «дистанция» между адресантом и адресатом не обязательно связана с генезисом стихотворных вставок. Адресант мог, скажем, написать строки в духе оды специально для этого письма либо, напротив, мог процитировать такие строки, созданные им ранее, – в обоих случаях это создало бы дистанцию между участниками эпистолярного общения.

Наличие стихотворных вставок – не единственная и, возможно, не главная, но весьма симптоматичная черта. Она свидетельствует, собственно, о «литературности» эпистолярного текста. В случае Сумарокова «литературность» архиважна. Во-первых, по уже означенной причине: позиционируя себя поэтом, он превозносится над адресатом. Во-вторых, переключая эпистолярное общение в область беседы о литературе, Сумароков претендует как минимум на дружеское равноправие с адресатом – отстаивает свое право предлагать любые темы для обсуждения, занимать время адресата (и экономить свое – по всей видимости, это одна из важнейших причин неряшливости в оформлении его писем, избытка в них сокращений слов), общаться свободно, неофициально и т. п. Данная претензия заявлена им одновременно на двух уровнях: «общественного человека», который по своим внешним достижениям заслуживает дружбу с высокопоставленным лицом, и «естественного человека», который заслу-

живает ее по своим внутренним качествам, прежде же всего по искренности и по «несчастности». Акцентируя последние, автор писем настраивает адресата на доверительное общение, отличающее дружескую эпистолярную коммуникацию. Итак, она и с этой точки зрения была необходима Сумарокову как дававшая возможность обретения цельности собственного «я».

Но обретение цельности собственной личности достигалось Сумароковым-эпистографом очень ненадолго. Ведь как бы он ни старался выдвинуть на первый план жанровые черты дружеского письма и как бы ни пренебрегал требованиями, установленными для делового, он пишет все-таки деловое письмо – и ни в какой другой форме не может обратиться не только к императрице, но и к сановникам. Две разновидности эпистолярного жанра – деловое и дружеское письмо, – накладываясь друг на друга, неизбежно оказывались в конфронтации, в результате лейтмотивной для каждого его послания. Она априори разрушала какую бы то ни было гармоничную цельность и раскалывала старательно создаваемый Сумароковым образ автора. Необходимо и вместе с тем невозможно было решить, кто он по отношению к адресату – проситель / «требователь» (деловой дискурс, не дававший единства образа автора) или друг (дружеский дискурс). А потому невозможно было единообразно, этично и корректно оформить письмо. Строго официальный тон означал бы ниспровержение дружеского, столь дорогого Сумарокову, а чисто дружеский полностью отменял бы официальную тональность, что было недопустимо.

Особые затруднения Сумароков испытывал, оформляя клаузулу письма, очевидно, потому, что, во-первых, за ней, как и за прескриптом, в деловой эпистографии закреплены наиболее строгие требования (зафиксированные, в частности, в «Наставлении, как сочинять и писать всякие письма к разным особам...»), а во-вторых, она – в большей степени, чем прескрипт и семантема, – ставила адресанта перед вопросом, кто он по отношению к адресату. Идеальное решение поэт-драматург нашел в посланиях к Г. В. Козицкому, секретарю императрицы и своему приятелю. В клаузуле большинства из них варьируется формула «верный друг и покорный слуга» [Сумароков, 1980, с. 110], двучастность которой, актуализирующая и дружескую, и деловую саморепрезентацию адресанта, совершенно очевидна и естественна. Но в посланиях к высоким сановникам и тем более к самой императрице такая формула, конечно, не была уместна.

В клаузуле писем к императрице Сумароков наиболее сдержан. Он подписывает их в соответствии с традицией обращения к царственным особам – в частности, как очевидно, учитывая эпистолярный образец под названием «Почтительное письмо к знатной особе» из письмовника «Наставление, как сочинять и писать всякие письма...» [Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, 1765, с. 84–85]. Но позволяет себе сокращать слова: «В. и. в. все-нижайший и всеподданнейший раб...» [Сумароков, 1980, с. 112]. В этом как будто проявилось буквальное, скрупулезное следование письмовнику, в котором подобные сокращения приняты (ср. клаузулу «Почтительного письма к знатной особе»: «Вашего с. Всепокорнейший слуга» [Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с. 85]), и оно кричит о том, что автор правильно оформил письмо; конечно же, здесь нельзя не увидеть иронии с его стороны по отношению к требованиям этикета официальной эпистографии. Сумароков очевидным образом ставит под сомнение аутентичность для себя, признанного литературного таланта и теоретика классицизма, этих требований, а одновременно «напоминает» адресату об эксплицированном в прескрипте и семантеме дружеском дискурсе. Почтительность и уничижительность автохарактеристик в клаузуле («...все-нижайший и всеподданнейший раб...») противоречит требовательно-учительной интенции, заявленной в семантеме, за счет чего клаузула формализуется и приобретает достаточно ярко выраженный иронический оттенок, возможно, не вполне осознаваемый самим автором, но, несомненно, ощутимый для адресата и не вызывающий у него расположения к адресанту.

Тем более свободно Сумароков оформляет клаузулы в письмах к сановникам, например, к И. И. Шувалову. Здесь он проявляет творческий подход, предлагая вниманию адресата от послания к посланию разные варианты, говорящие прежде всего о том, что сам автор пребывает в поиске. Писатель-эпистограф может удостоить Шувалова большей или меньшей, но всегда относительной почтительности (напр.: «Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга Александр Сумароков» [Сумароков, 1980, с. 87]) либо же не удостоить («Нижайший слуга А. С.» [Сумароков, 1980, с. 89], «Покорнейший слуга А. С.» [Сумароков, 1980, с. 92]). Наконец, что особенно интересно, он может позволить себе, пусть и имплицитно, актуализировать в клаузуле двойную автохарактеристику, позициониру-

ющую его как официальное лицо и одновременно как друга, как «общественного» и одновременно «естественного человека». Напр.: «Вашего превосходительства, милостивый государь, всепокорнейший, нижайший и несчастнейший слуга» [Сумароков, 1980, с. 78], «Вашего превосходительства» нижайший, всепокорнейший и отчаянный слуга А. Сумароков» [Сумароков, 1980, с. 89].

Как можно видеть, Сумароков попытался органично вписать в ряд официальных, клишированных автохарактеристик («всепокорнейший», «нижайший») чужеродные для этого ряда сентиментальные, доверительно-исповедальные, дружеские эпитеты – «несчастнейший», «отчаянный». Первый даже преподан в форме превосходной степени, которая, вероятно, должна бы ассимилировать его, по замыслу автора, с официальными «всепокорнейший», «нижайший». По сути же и «несчастнейший», и «отчаянный» – своего рода эмоциональная гипербола, рождающая в сочетании с клишированными «всепокорнейший», «нижайший» комический эффект, очевидный для читателя, но, похоже, не для автора. Курьезные сами по себе, эти двойственные автохарактеристики Сумарокова в контексте его дружески-делового эпистолярного дискурса, в котором автор стремится оцельнить свое «я», конечно же, глубоко логичны.

Читателем, чутким, с одной стороны, к классицизму, а с другой – к требованиям делового письма, закрепляемым письмовниками, эпистолярный эксперимент Сумарокова не мог быть принят. За поэтом-эпистографом утвердилась репутация амбициозного, взбалмошного, психически неуравновешенного человека. Его деловые письма были признаны «эпистолярной неудачей» (О. В. Алексеева) автора, не справившегося с этикетом официальной переписки, и противопоставлялись деловым письмам Ломоносова, выдерживающего этот этикет. В частности, очень корректно оформлявшего прескрипты и клаузулы в письмах к И. И. Шувалову.

Но нельзя не заметить, что и Ломоносов позволял себе вольности в официальной переписке. Ограничимся одним примером – письмом к И. И. Шувалову от 10 мая 1753 г. Строго выдержав официальный этикет в оформлении прескрипта и клаузулы, сохраняя сдержанно-деловой тон в семанте, Ломоносов с чувством собственного достоинства, мотивированного тем, что он заслуженный человек, ученый и поэт, просит Шувалова не сомневаться в его самоотверженном

служении России и не верить тем, кто не хочет признавать его заслуг и прав: «Я всепокорнейше прошу ваше превосходительство в том быть обнадежену, что я все силы свои употреблю, чтобы те, которые мне от усердия велят быть предосторожну, были обо мне беспечальны, а те, которые из недоброхотной зависти толкуют, посрамлены бы в своем неправом мнении были...» [Ломоносов, 1957, с. 479–480]. Вслед за чем автор письма вдруг свободно переходит на разговорно-просторечный стиль и вводит притчевый дискурс: «...музы не такие девки, которых всегда изнасиловать можно. Оне кого хотят, того и любят. Ежели кто еще в таком мнении, что ученый человек должен быть беден, тому я предлагаю в пример с его стороны Диогена, который жил с собаками в бочке и своим землякам оставил несколько остроумных шуток для умножения их гордости, а с другой стороны, Невтона (то есть Ньютона. – М. К.), богатого лорда Бойла, который всю свою славу в науках получил употреблением великой суммы, Волфа (то есть Х. Вольфа. – М. К.), который лекциями и подарками нажил больше пятисот тысяч и сверх того баронство...» [Ломоносов, 1957, с. 480].

Как можно видеть, Ломоносов предлагает вниманию адресата целый ряд притч (продолжающийся и за процитированным нами фрагментом) – вполне светских, но, в евангельской традиции, альтернативных: содержащих отрицательный (Диоген) и положительные (все остальные) примеры (ср. евангельские притчи о мытаре и фарисее, о мудрых и неразумных девах, о доме на камне и на песке и др.). Примечательно, что за последними очевидный численный перевес, так что даже за счет этого именно они должны убедить Шувалова. Притчевый дискурс, в соответствии с христианской учительнопредповеднической традицией, придает тексту письма авторитетность. Но императивность высказывания смягчается за счет разговорно-просторечного стиля, актуализирующего тональность дружеского общения. Правда, Ломоносов актуализирует ее весьма дозированно, стараясь не нарушать «чинонаблюдения». Само свободное варьирование стилей, как и притчевых сюжетов, демонстрирует незаурядную образованность и одаренность автора письма, виртуозно превосходящего всех своих недоброжелателей. Обращаясь в подобном духе к Шувалову, Ломоносов и его ставит на почетное место рядом с собой, делая своим другом, собеседником-единомышленником. В остальных частях письма,

выдержанных в строгом соблюдении этикета, ставит выше себя. То и другое не могло не польстить адресату.

Ломоносов и Сумароков, каждый по-своему, апеллируя к поэтике формирующегося дружеского письма, подсознательно чувствовали его перспективность для дальнейшего развития русской литературы и эпистолографии. Вслед за ними литераторы-сентименталисты, переосмыслившие представление о дружбе и объявившие ее одной из главных ценностей, обратятся к эпистолярному жанру. Под их пером в последней трети XVIII в. начнется настоящая экспансия дружеского письма, расцвет которого состоится в первой трети XIX в. Он был подготовлен исканиями и достижениями русских эпистолографов XVIII в., в не последнюю очередь А. П. Сумарокова.

Библиографический список

1. Азбучный письмовник // Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII в. От Илариона до Ломоносова / отв. ред. В. П. Гребенюк. Москва : Языки славянской культуры, 2003. С. 588–600.
2. Алексеева О. В. Письма театрального директора: администратор vs. писатель: письма А. П. Сумарокова И. И. Шувалову // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения–2013): В 2 ч. Ч. 2. Литературоведение: сборник научных трудов. Санкт-Петербург : СПГУТД, 2014. С. 28–31.
3. Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. : монография. München : Sagner, 1991. 465 с.
4. Бухаркин П. Е. Письма М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова в истории русской литературы // Малые жанры в русской и советской литературе : межвуз. сборник научных трудов. Киров : Кировский гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1986. С. 31–41.
5. Грот Я. К. Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову. Санкт-Петербург : Тип. Академии наук, 1862. 52 с.
6. Демин А. С. Литературные черты древнерусских письмовников // Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII в. От Илариона до Ломоносова / отв. ред. В. П. Гребенюк. Москва : Языки славянской культуры, 2003. С. 178–605.
7. Дмитриева Е. Е. Русские письмовники середины XVIII – первой трети XIX в. и эволюция русского эпистолярного этикета // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1986. Т. 45. № 6. С. 543–552.
8. Лазарчук Р. М. Дружеское письмо и его место в литературном процессе конца XVIII века (Г. П. Каменев) // XXIV Герценовские чтения. Филологические науки. Краткое содержание докладов. Ленинград : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1971. С. 53–55.
9. Лазарчук Р. М. Из истории дружеского письма конца XVIII в. (Н. А. Львов) // XXII Герценовские чтения. Программа и краткое содержание докладов. Ленинград : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1969. С. 93–95.
10. Лазарчук Р. М. Письма Г. П. Каменева и их историко-литературное значение // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. От классицизма к романтизму. Вып. 2. Ленинград : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976. С. 74–85.
11. Лаппо-Данилевский К. Ю. Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // XVIII век. Сб. 27. Санкт-Петербург : Наука, 2013. С. 121–153.
12. Ломоносов М. В. Письмо к И. И. Шувалову от 10 мая 1753 г. // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 10. Москва, Ленинград : Изд-во АН СССР, 1957. С. 479–480.
13. Макогоненко Г. П. Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века. Ленинград : Наука, 1980. С. 3–41.
14. Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам. С приобщением примеров из разных авторов. Москва : Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1765. 168 с.
15. Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке, то есть писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожательные, и иные; также между сродников и приятелей. Переведены с немецкого на российский язык; Напечатанные повелением благочестивейшаго великого государя царя, великого князя Петра Алексиевича всея Великия и Малыя и белыя России самодержца. При благороднейшем государе царевиче, и великом князе Алексии Петровиче. В царствующем великом граде Москве, Апр. 1708. 210 с.
16. Сумароков А. П. Две епистолы. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве. Санкт-Петербург : Печ. при Академии наук, 1748. 29 с.
17. Сумароков А. П. Письма. (Публ. В. П. Степанова) // Письма русских писателей XVIII века : сборник. Ленинград : Наука, 1980. С. 68–223.
18. Суровцева Е. В. Письма А. П. Сумарокова Г. П. Потемкину в контексте «письма царю» // Научные достижения высшей школы–2019 : Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса (7 октября 2019 г.). Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2019. С. 14–20.

Reference List

1. Azbuchnyj pis'movnik = Alphabetical letter book // Demin A. S. O drevnerusskom literaturnom tvorchestve: Opyt tipologii s XI po seredinu XVIII v. Ot Ilariona do Lomonosova / отв. ред. В. П. Гребенюк. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. S. 588–600.
2. Alekseeva O. V. Pis'ma teatral'nogo direktora: administrator vs. pisatel': pis'ma A. P. Sumarokova I. I. Shuvalovu = Theatrical director's letters: administrator vs. writer: letters from A.P. Sumarokov to I.I. Shuvalov // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chtenija–2013): V 2 ch. Ch. 2. Literaturovedenie: sbornik nauchnyh trudov. Sankt-Peterburg : SPGUTD, 2014. S. 28–31.

3. Bulanin D. M. Antichnye tradicii v drevnerusskoj literature XI–XVI vv. = Antique traditions in old Russian literature of the XI–XVI cc.: monografija. München: Sagner, 1991. 465 s.
4. Buharkin P. E. Pis'ma M. V. Lomonosova i A. P. Sumarokova v istorii russkoj literatury = Letters of M. V. Lomonosov and A. P. Sumarokov in the history of Russian literature // *Malye zhanry v russkoj i sovetskoj literature: mezhvuz. sbornik nauchnyh trudov*. Kirov: Kirovskij gos. ped. in-t im. V. I. Lenina, 1986. S. 31–41.
5. Grot Ja. K. Pis'ma Lomonosova i Sumarokova k I. I. Shuvalovu = Letters of Lomonosov and Sumarokov to I. I. Shuvalov. Sankt-Peterburg: Tip. Akademii nauk, 1862. 52 s.
6. Demin A. S. Literaturnye cherty drevnerusskikh pis'movnikov = Literature features of old Russian letter books // Demin A. S. O drevnerusskom literaturnom tvorchestve: Opyt tipologii s XI po seredinu XVIII v. Ot Ilariona do Lomonosova / otv. red. V. P. Grebenjuk. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. S. 178–605.
7. Dmitrieva E. E. Russkie pis'movniki serediny XVIII – pervoj treti XIX v. i jevoljucija russkogo jepistoljarnogo jetiketa = Russian letter books of the middle XVII – first third of XIX cc and evolution of Russian epistolary etiquette // *Izvestija AN SSSR. Ser. Literatury i jazyka*. 1986. T. 45. № 6. S. 543–552.
8. Lazarchuk R. M. Druzheskoe pis'mo i ego mesto v literaturnom processe konca XVIII veka (G. P. Kamenev) = A friendly letter and its place in literary process of the end of the XVIII c. (G. P. Kamenev) // XXIV Gercenovskie chtenija. Filologicheskie nauki. Kratkoe sodержanie dokladov. Leningrad: LGPI im. A. I. Gercena, 1971. S. 53–55.
9. Lazarchuk R. M. Iz istorii družheskogo pis'ma konca XVIII v. (N. A. L'vov) = From the history of a friendly letter of the end of the XVIII c. (N. A. L'vov) // (XXII Gercenovskie chtenija. Programma i kratkoe sodержanie dokladov. Leningrad: LGPI im. A. I. Gercena, 1969. S. 93–95.
10. Lazarchuk R. M. Pis'ma G. P. Kameneva i ih istoriko-literaturnoe znachenie = G. P. Kamenev's letters and their history-literature meaning // *Problemy izuchenija russkoj literatury XVIII veka. Ot klassicizma k romantizmu*. Vyp. 2. Leningrad: LGPI im. A. I. Gercena, 1976. S. 74–85.
11. Lappo-Danilevskij K. Ju. Druzheskoe literaturnoe pis'mo: specifika, istoki = A friendly literature letter: specifics, reasons // XVIII vek. Sb. 27. Sankt-Peterburg: Nauka, 2013. S. 121–153.
12. Lomonosov M. V. Pis'mo k I. I. Shuvalovu ot 10 maja 1753 g. = The letter to I. I. Shuvalov from the 10th of May 1753 // Lomonosov M. V. Poln. sobr. soch.: V 11 t. T. 10. Moskva, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1957. S. 479–480.
13. Makogonenko G. P. Pis'ma russkikh pisatelej XVIII v. i literaturnyj process = The letters of Russian writers of the XVIII c. // *Pis'ma russkikh pisatelej XVIII veka*. Leningrad: Nauka, 1980. S. 3–41.
14. Nastavlenie, kak sochinjat' i pisat' vsjakie pis'ma k raznym osobam. S priobshheniem primerov iz raznyh avtorov = Admonition how to make and write letters to different people. With the reference to different authors. Moskva: Pech. pri Imp. Mosk. un-te, 1765. 168 s.
15. Prikłady, kako pishutsja komplimenty raznye na nemeckom jazyke, to est' pisanija ot potentatov k potentatam, pozdravitel'nye i sozhatelel'nye, i inye; takozhde mezhdu srodnikov i prijatelej = Admonition how to write different compliments in German, of different genres to different people, congratulations, pitiful and other, to relatives and friends. Perevedeny s nemeckogo na rossijskij jazyk; Napechatannye poveleniem blagočestivejšhago velikogo gosudarja carja, velikogo knjazja Petra Aleksievicha vseja Velikija i Malyja i belyja Rossii samodержca. Pri blagorodnejšem gosudare careviche, i velikom knjaze Aleksii Petroviche. V carstvujushhem velikom grade Moskve, Apr. 1708. 210 s.
16. Sumarokov A. P. Dve epistoly. V pervoj predlagaetsja o russkom jazyke, a vo vtoroj o stihotvorstve = Two epistles. The first one is about the Russian language, the second about poems. Sankt-Peterburg: Pech. pri Akademii nauk, 1748. 29 s.
17. Sumarokov A. P. Pis'ma. (Publ. V. P. Stepanova) = Letters (Publ. by V. P. Stepanov) // *Pis'ma russkikh pisatelej XVIII veka: sbornik*. Leningrad: Nauka, 1980. S. 68–223.
18. Surovceva E. V. Pis'ma A. P. Sumarokova G. P. Potemkinu v kontekste «pis'ma carju» = The letters of A. P. Sumarokov to G. P. Potemkin in the context of «the letters to the tsar» // *Nauchnye dostizhenija vysshej shkoly–2019: Sbornik statej Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa (7 oktjabrja 2019 g.)*. Petrozavodsk: MCNP «Novaja nauka», 2019. S. 14–20.